

Оригинальная статья

УДК 159.9.072

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-2-151-163

Интегративный подход, 4-факторный опросник самодеструкции личности и его психометрические характеристики

Сообщение 1. Локализация и интеграция самодеструкции

Леонид Яковлевич Дорфман

Пермский государственный институт культуры,
Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации
(Пермь, Россия)
dorfman07@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4396-6652

Евгений Александрович Курочкин

Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации
(Пермь, Россия)

ORCID: 0000-0001-8268-1177

Аннотация

Обозначены теоретико-эмпирические предпосылки и разрабатывается интегративная модель самодеструкции личности. Существующие взгляды на самодеструкцию являются локальными и разобщенными. Они не рассматривают самодеструкцию в совокупности множества ее факторов и источников. Новый шаг в исследованиях самодеструкции состоит в том, чтобы изучать ее в плане интеграции в дополнение к локальным подходам. Намечаются два пути интеграции самодеструкции: индуктивный и дедуктивный. При индуктивном подходе выделяется некоторое множество факторов самодеструкции (их локализация) и ставится вопрос о том, есть ли у них общая основа. При дедуктивном подходе, наоборот, в первую очередь постулируется некое общее понятие, из которого затем выводится множество локальных факторов самодеструкции. В рамках интегративного подхода эти направления исследований самодеструкции рассматриваются как дополнительные. Они положены в основу интегративной модели самодеструкции и развиваются с позиций концептуальной модели полимодального Я. В ее свете речь идет о деформациях полимодального Я, и самодеструкция предстает антиподом полимодального Я. В самодеструкции здоровой личности выделяются четыре домена: недовольство собой, властность, нетерпимость, обособление. Данная модель конкретизирует представления о гетерогенности самодеструкции в терминах ее доменного строения, в значительной степени преодолевает разрозненные представления о ней и обобщает их.

Ключевые слова

самодеструкция, локализация, интеграция, полимодальное Я, деформации, домены самодеструкции

Для цитирования: Дорфман, Л. Я., Курочкин, Е. А. (2022). Интегративный подход, 4-факторный Опросник самодеструкции личности и его психометрические характеристики. Сообщение 1. Локализация и интеграция самодеструкции. *Российский девиантологический журнал*, 2(2), 151–163. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-151-163.

Leonid Ya. Dorfman

Perm State Institute of Culture,
Perm military Institute
of National Guard Troops
(Perm', Russia)
dorfman07@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4396-6652

Evgenij A. Kurochkin

Perm military Institute
of National Guard Troops
(Perm', Russia)

ORCID: 0000-0001-8268-1177

An integrative approach, 4-factor self-destructive behavior questionnaire, and its psychometric features

Report 1. Localization and integration of the self-destruction

Abstract

The author explores a theoretic background and develops an integrative model of self-destruction of personality. The existing views on self-destruction are local and isolated. The self-destruction has not been researched in the whole commonality of its many factors and sources. A new step in self-destruction research is to study it in terms of integration. The following research turns to the two ways on integration: inductive and deductive. In inductive approach, the author chooses a certain set of self-destruction factors (their localization) and raises a question whether they have a common basis. In the deductive approach, on the contrary, the author offers a certain general concept that leads to a set of local factors of self-destruction. Within the framework of the integrative approach, these areas of self-destruction research are considered to be complementary. They form the basis of an integrative model of self-destruction and develop from the standpoint of the conceptual model of the plural Self. Concerning the deformations of the plural Self, the self-destruction appears as its antipode. There are four domains in the self-destruction of a healthy personality: dissatisfaction with oneself, need to dominate, intolerance, detachment. This model concretizes the heterogenous picture of self-destruction in terms of its domain structure, largely overcomes the isolated notions and generalizes them.

Keywords

self-destruction, locality, integration, plural self, deformation, domains of self-destruction

For citation: Dorfman, L. Ya., Kurochkin, E. A. (2022). An integrative approach, 4-factor Self-destructive behavior Questionnaire, and its psychometric features. Report 1. Localization and integration of the self-destruction. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(2), 151–163. doi: 10.35750/2713-0622-2022-2-151-163.

Введение

Под самодеструкцией (самодеструктивностью) личности условимся понимать склонности к мыслям и действиям, которые наносят ей вред. Они осознанно или бессознательно направлены на себя и в той или иной степени приводят к саморазрушению.

Самодеструкция пересекается с рядом смежных понятий. К примеру, самодеструктивность трактуется

как разновидность патохарактерологического, психопатологического и аддиктивного типов девиантного поведения. Поступки человека направлены не на развитие и личностный рост и не на гармоничное взаимодействие с реальностью, а на деструкцию личности. Самодеструкция проявляется в виде суицидального поведения, наркотизации и алкоголизации и некоторых других разновидностей девиаций. Мотивами к са-

моразрушающему поведению становятся аддикции, патологические изменения характера, а также психопатологические симптомы и синдромы (Менделевич, 2005). Агрессия, жестокость, насилие, а также травма, посттравматический стресс, фрустрация, депрессия – понятия, с которыми самодеструктивность в каких-то аспектах пересекается. В этот ряд вписываются также месть, ненависть, зависть, ревность. В связи с этим в отношении самодеструкции порой возникает впечатление понятийной неразберихи.

В отечественной психологии эмпирические исследования деструкции набирают силу, но недостаточно освещают, в частности, вопросы ее теории и инструментов измерения¹ (Антонова и др., 2014, с. 213-252; Дорфман, Злоказов, 2016а, 2016б, 2017а, 2017б; Зейгарник и др., 1989; Злоказов, 2012; Калинин и др., 2014; Короленко, Донских, 1990; Митина, 2004; Реан, 2015; Суслонов, Злоказов, 2013; Сыманюк, 2005).

Одним из первых идею деструкции в духе психоанализа разработывал З. Фрейд (Freud, 1933/1965). Он выделял несколько значений деструкции. (1) Агрессия, следующая за фрустрацией: человек разрушает объекты, которые служат источником его негативных чувств. (2) Защитная агрессия: призвана отдалить деструктивную опасность извне. К деструктивности относят также (3) садизм: деструкцию объекта, приводящую к сексуальному удовольствию; (4) нарцисстическую деструктивность как результат инстинкта влечения к смерти; (5) мазохизм: склонность получать удовольствие, испытывая унижения, насилие или мучения.

Пионером в постановке проблемы самопоражения и самодеструкции в современных зарубежных исследованиях можно считать Baumeister (Baumeister, 1990, 1997; Baumeister & Scher, 1988). Отправной точкой анализа у него служит представление о рациональном поведении личности. Стремление к самосохранению и поддержке собственных интересов является рациональным. Самодеструкция, напротив, служит ярким примером иррациональности. Понимание человеческой деструктивности проливает некоторый свет на пределы человеческой рациональности. Как отмечают Callan, Kay and Dawtry (Callan et al., 2014), саморазрушающие мысли и соответствующее поведение кажутся весьма странными в свете распространенного взгляда, что люди фундаментально ориентированы на максимизацию удовольствия и минимизацию боли. Насколько возможно, они воспринимают себя позитивно. Почему же в ряде случаев люди обесценивают и наказывают себя? Так возникает тема самодеструкции. Речь идет о неудачах, уроне, ущербе, вреде, страданиях, причиняемых личностью самой себе. Нежелательные, бесполезные, тщетные для личности действия с неожиданными

(негативными) последствиями также рассматриваются как саморазрушающие.

В настоящей работе ставится, во-первых, проблема интегративных представлений о самодеструкции в оппозиции к локальным (одномерным) представлениям о самодеструкции. Во-вторых, разрабатывается опросник самодеструкции личности и приводятся его психометрические характеристики.

Локальные и интегративные подходы к самодеструкции

Локальные конструкты и инструменты измерения самодеструкции

Условно концепции самодеструкции по большей части можно обозначить как локальные. Они носят частный характер, разрознены и разобщены, обращаются к отдельным явлениям, факторам и источникам, которые вызывают самодеструкцию. Ее источники рассматриваются односторонне – в том смысле, что они не учитывают множественность факторов, обуславливающих самодеструкцию, в совокупности. Полагается, что поскольку у самодеструкции некоторое множество источников, она является разнородной, а это может означать гетерогенность происхождения самодеструкции.

Скажем, выделяются три направления и соответственно три области исследований деструкции. Первая область – самодеструкции как таковые, вторая область – социально обусловленные самодеструкции, третья область – ментальные самодеструкции (Дорфман, Злоказов, 2016а). Хотя эти области так или иначе пересекаются, все же они прежде всего обособляются и расходятся. Когда в качестве факторов самодеструкции выделяют самоуважение, угрозу самолюбию, заслуженное самонаказание, выпадение из социальных связей (Дорфман, Злоказов, 2016б; Baumeister, 1997), опять-таки преобладает дифференциация факторов самодеструкции. Это приводит к тому, что инструменты ее измерения тоже оказываются односторонними.

Так, с позиций Диагностического и статистического руководства расстройств психики, изданного Американской психиатрической ассоциацией (прежде всего, DSM-III-R) в 1987 г., враждебное отношение человека к себе рассматривается как личностное расстройство. Хотя данная традиция в той или иной степени продолжается, эти же вопросники применяются для изучения деструктивности психически здоровых людей (Baumeister, 1997; Baumeister & Scher, 1988; Briones et al., 2007; Hawton et al., 2002; Minocha et al., 2014; Reed & Bullis, 2009; Schill, 1990; Wei & Ku, 2007). Вопросник диагностики личности (Hyler & Rieder, 1987) разработан

¹ Змановская, Е. В. (2003). *Девиантология (Психология отклоняющегося поведения)*: учебное пособие. Издательский центр «Академия».

с позиций DSM–III–R и включает шкалы, направленные на измерение 13 личностных расстройств, в том числе шкалу самодеструкции. Эта шкала определяет склонность личности испытывать неприязнь и быть придирчивой к себе, бояться успеха и счастья. Популярной является шкала самопоражающей личности (Schill, 1990). В ее основу также положен DSM–III–R, причем личность рассматривается как жертва внешних обстоятельств.

В основе шкалы самодеструкции (Kelly et al., 2002) лежит идея о том, что стремление к немедленному эмоциональному удовольствию при росте вероятности отдаленных негативных последствий приводит человека к самодеструкции. Предпосылки этой шкалы просматриваются в концепции самодеструкции Baumeister and Scher (Baumeister & Scher, 1988). Kelly, Richardson, Hunter and Knapp (Kelly et al., 1985) выделили четыре склонности самодеструктивной личности: беспечность, пренебрежительное отношение к своему здоровью, непослушание, изъяды в планировании собственных действий. В конечном итоге авторы приходят к мысли о том, что их шкала включает пункты, сближающие ее с конструктами поиска ощущений, нейротизма и импульсивности.

Все эти примеры исследования самодеструкции иллюстрируют ее «фасеточность». В психологической науке существует множество слабо связанных между собой моделей процессов, свойств, состояний, но нет целостного видения психики человека. Модели описывают лишь отдельные аспекты из многоликого человеческого существования. В результате складывается психология «фасеточного типа»; модели оказываются несвязанными или слабо связанными между собой (Ушаков, 2018, 2020; Дорфман, Калугин, 2021). Все это присуще и работам в области самодеструкции.

Интегративная перспектива

Новый шаг в исследованиях самодеструкции может состоять в том, чтобы не только локализовать (дифференцировать) ее особенности, учитывать не только отдельные факторы, но и поставить вопрос об их совокупности в плане интеграции. К примеру, интегративный тренд намечается в исследованиях деструктивного лидерства: осознается востребованность построения объединенной теории, которая позволила бы обозначить его общие базовые посылки (Krasikova et al., 2013). Пока, однако, эта идея заужена и распространяется лишь на область деструктивного лидерства. Общее же видение деструктивности сдерживается рядом нерешенных, прежде всего концептуальных проблем. Их своевременное изучение имеет интегративную перспективу и позволит существенно уменьшить имеющиеся пробелы в этой сфере. Так будут преодолеваются разрывы между исследованиями локальных (частных) форм самодеструкции в разных явлениях. Поиск инте-

гративной базы – это новый методологический поворот в исследованиях самодеструкции. Ожидается приращение новых порций знания о ней.

Вместе с тем идея интеграции самодеструкции оформлена концептуально недостаточно. Также остается открытым вопрос о многофакторных инструментах измерения. Чаще всего применяемые опросники почти не учитывают множественность факторов, обуславливающих самодеструкцию. Одной из причин этого является отсутствие концепций самодеструкции, принимающих во внимание множество разнородных факторов, с одной стороны, и наличие у них общей основы, с другой. Таким образом, возникает фундаментальное противоречие между разрозненными теоретическими представлениями о самодеструкции и отсутствием подходов, объединяющих их в общую, т.е. интегративную концепцию. Ситуация усугубляется также тем, что локальные опросники закрывают психометрическую перспективу многоаспектных эмпирических исследований самодеструкции с единых позиций, в то время как собственно многофакторные опросники самодеструкции с позиций интегративного подхода не разработаны.

”

Самодеструкция проявляется в виде суицидального поведения, наркотикизации и алкоголизации и некоторых других разновидностей девиаций

“

Кроме того, противоречие между гетерогенностью самодеструкции, с одной стороны, и локальными инструментами их измерения, с другой, также налагает существенные ограничения на интегративные исследования самодеструкции. Это противоречие требует неотложного разрешения. Создание многофакторных инструментов измерения самодеструкции позволяет более строго и аккуратно ставить задачи интегративных исследований самодеструкции.

Можно наметить по меньшей мере два пути интеграции самодеструкции: индуктивный и дедуктивный. При индуктивном подходе выделяется некоторое множество факторов самодеструкции (их локализация) и ставится вопрос, есть ли у них общая основа? Например, если самоуважение, угроза самолюбию, заслуженное самонаказание, выпадение из социальных связей являются факторами самодеструкции (Дорфман, Злоказов, 2016б; Baumeister, 1997), значит ли это, что они образуют целостную совокупность, или они все же существуют по отдельности? При дедуктивном подходе, наоборот, в первую очередь постулируется некое общее понятие, из которого затем выводится некоторое множество частных (локальных) факторов самодеструкции. При индукции ее факторы известны, а их общая и единая совокупность предполагается. Она нуждается в эмпирическом тестировании и эмпирической проверке. При дедукции имеет место противоположная картина: из общего выводится частное, и потому самодеструкция подлежит эмпирической проверке на предмет существования у нее некой общности. Также эмпирическому тестированию подвергаются факторы, гипотетически выделяемые из общей основы самодеструкции.

В конечном итоге обозначим два относительно независимых направления интегративных исследований самодеструкции, причем в режиме их дополнительности.

К первому направлению, «снизу», отнесем исследования от локальных (частных) факторов самодеструкции к ее общему представлению, от низких степени обобщения и уровня абстракции к более высоким и перекрывающим разобщенность частных факторов. Отношения частного и общего в самодеструкции вписываются в подход И. Канта (Кант, 2021 (пер.): частные факторы самодеструкции существуют вне и внутри ее общей основы. В последнем случае появляется понимание самодеструкции как *многокачественного* и *разнокачественного* явления. Общая самодеструкция – это интегративное качество, разнородное и гетерогенное в силу наличия у него множества частных факторов.

К второму направлению, «сверху», отнесем исследования, которые идут от теории, описывающей фрагмент реальности, который шире сферы деструктивности. Данное направление наименее разработано и понятно. В первом приближении заметим, что это не обратное движение к частным формам деструктивности, которые включаются в исследования «снизу» – это ход к деструктивности как части более широкой реальности. Деструктивность «сверху» и деструктивность «снизу» расходятся и прямо не соотносятся друг с другом, поскольку происходят из разных источников. В то же время деструктивность «сверху» и деструктивность «снизу», предположительно, сосуществуют и сопоставимы по степени обобщения и уровню абстракции. Не исключено, что они связаны друг с другом.

В данном пункте анализа возникает несколько задач. Во-первых, более широкую, чем область деструктивности, теорию следует верифицировать (теоретически и эмпирически) на предмет ее релевантности деструктивным следствиям. Не всякая общая теория приводит к выявлению деструктивных паттернов. Во-вторых, как часть более широкой реальности деструктивность возникает скорее всего как неспецифичное и более широкое по масштабу явление, чем частные формы деструктивности и даже общая деструктивность, создаваемая на их основе в исследованиях «снизу». В самом деле, появление деструктивности «сверху» не может не страдать избыточной абстрактностью. В-третьих, избыточную абстрактность исследований деструктивности «сверху» возможно преодолевать, обращаясь к результатам исследований деструктивности «снизу». Без их поддержки исследования деструктивности «сверху» вряд ли будут продуктивными в теоретико-эмпирическом плане.

Интегративная (метаиндивидуальная) модель самодеструкции

Предпосылки построения 4-факторного опросника самодеструкции личности

При исследованиях самодеструкции «сверху» выбор релевантной теории в известном смысле является произвольным. Например, самодеструкцию можно изучать в рамках теории деятельности А. Н. Леонтьева (Леонтьев, 2005), теории жизненного мира С. Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 2003), теории интегральной индивидуальности человека В. С. Мерлина (Мерлин, 1986). Одна теория не исключает другую, и один подход вряд ли можно рассматривать как имеющий преимущества в сравнении с другими. Но каждая теория ведет к открытию общих корней у самодеструкции, а стратегии ее исследования в рамках каждой теории могут быть разными. Теория «сверху» определяет в той или иной степени логическую структуру самодеструкции; теоретически последняя попадает в контекст теории «сверху» и ведет к макроанализу самодеструкции. Иначе говоря, теория «сверху» предполагает контекст, в рамках которого осуществляются переносы ее организации с высоких на более низкие уровни обобщения и абстракции при изучении самодеструкции.

Что касается собственно самодеструкции, поиск ее содержания предполагает выход на его анализ «снизу». Анализ самодеструкции «сверху» и «снизу» полагается дополнительным. Скажем, анализ «снизу» ведет к пониманию самодеструкции как мазохизма, угрозы самолюбию и заслуженного самонаказания (Дорфман, Злоказов, 2016б; Baumeister, 1997). Теория же «сверху» помогает наметить макропсихологические рамки самодеструкции. Значит, основой самодеструкции может

быть дуальность ее интегративного качества: локальность и обобщенность.

Концептуальная модель полимодального Я

Теоретической предпосылкой постановки проблемы разработки 4-факторного опросника самодеструкции личности является концептуальная модель полимодального Я (Дорфман, 2004). Этот применяемый далее подход характеризуется многоаспектностью и вступает в оппозицию к унитарным представлениям о Я-концепции (Дорфман, 2004; Петровский, 2013; Martindale, 1980).

D. G. Myers (Myers, 2009) определил Я-концепцию как ментальную репрезентацию человеком особенностей его личности. Подобным же образом можно понимать Я-концепцию с позиций метаиндивидуального подхода – ментальная репрезентация человеку его метаиндивидуального мира (МИМ) или представления, рефлексия, переживания МИМ, которые даны сознанию человека (Вяткин, Дорфман, 2018; Dorfman & Barashkova, 2018). Я-концепция – это единое и расчлененное, ментальный стержень личности, ее мира и их отношений (Дорфман, 2016). Далее мы будем опираться на концептуальную модель полимодального Я – подхода к Я-концепции с позиций МИМ.

Общие особенности полимодального Я сводятся к следующему: 1. Представления человека о своем мире (полимодальное Я) являются множественными. Они содержат представления человека о себе и его окружении. 2. Полимодальное Я выражает позиции человека к себе и своему окружению. 3. Полимодальное Я характеризуется динамичностью и вариативностью, поскольку сочетает в себе множество разных представлений и позиций.

В полимодальном Я ментально отображаются области (домены) МИМ: Авторство, Обладание, Принятие и Принадлежность. Соответственно в полимодальном Я выделяются четыре субмодальности, каждая из них есть ментальная репрезентация отдельной области МИМ. Первая субмодальность – Авторское Я, в нем ментально репрезентируется область Авторства в МИМ. Вторая субмодальность – Воплощенное Я, в нем ментально репрезентируется область Обладания в МИМ. Третья субмодальность – Превращенное Я, в нем ментально репрезентируется область Принятия в МИМ. Четвертая субмодальность – Вторящее Я, в нем ментально репрезентируется область Принадлежности в МИМ.

Полимодальное Я выражает внутренние позиции, за которыми угадывается личностное начало. Внутренняя позиция – это положение, которое занимает личность в отношениях к себе и миру. Каждая субмодальность служит маркером уникальной позиции: Авторское Я выражает позицию автора, инициатора,

деятеля; Воплощенное Я – реформатора, покорителя, обладателя; Превращенное Я – «лица», которое понимает, принимает, облегчает; Вторящее Я выражает позицию последователя, подражателя, исполнителя. Приняв одну из этих позиций, человек как бы подстраивает под нее свои переживания и эмоции, представления и мысли, поведение и межличностные отношения. В то же время позиции субмодальностей в полимодальном Я характеризуются дискретностью и находятся в оппозиции друг к другу, занимают уникальное место и предполагают исполнение уникальных ролей.

Обычно разные позиции принято относить к разным людям. В полимодальном Я, напротив, разные позиции относятся к одному и тому же человеку. Совместно они определяют полифонию и многоголосие полимодального Я. В нем проявляется динамика внутренних позиций. Возможны переходы от одних позиций к другим. В то же время одни позиции личности могут быть предпочтительнее других, приобретая черты типичности.

Тема ментальных репрезентаций и внутренних позиций полимодального Я имеет продолжение в языке и речи.

Мы ограничимся именными грамматическими категориями в части местоимений. Сосредоточимся на личных и притяжательных местоимениях. Личные местоимения указывают на лицо, о котором идет речь, выражают и присутствуют в имени, а притяжательные местоимения указывают на принадлежность объекта тому или иному лицу. Лицо является базовым понятием и личных, и притяжательных местоимений. При этом притяжательные местоимения производны от личных. Те и другие выступают в роли автономных словоформ лица. Что касается личных местоимений, они кодируют лицо и идентифицируют говорящего (1-е лицо), адресата речи (2-е лицо) и лицо, не принимающее участия в данном речевом акте (3-е лицо). Языковая форма, называемая третьим лицом, содержит указание на высказывание о ком-то, но не соотносится с лицом как личным, индивидуальным. Здесь возникает парадокс. «Он» есть грамматическое лицо, но не действительное лицо в том смысле, что «он» не является субъектом речевого общения, а выступает в роли объекта, к которому участники речевого общения обращают свои высказывания.

Есть основания полагать, что каждой субмодальности присуща «своя» местоименная форма. В частности, это можно объяснить тем, что класс местоимений лишен грамматического и лексико-семантического единства. Данное положение можно развить и довести до определения конкретных местоименных форм, характерных каждой субмодальности Я. Авторское Я характеризуется самостью и самоидентичностью (автономность), независимостью и инициативностью. Его местоименным маркером может быть личное ме-

стоимение первого лица в именительном падеже – «я». Местоимение «я» обозначает лицо говорящего (пишущего) и указывает на него, отсылает к автору высказывания (письма). Посредством «я» человек заявляет и выражает себя, утверждает свою самоидентичность. Через местоимение «я» субмодальность Авторского Я опредмечивается в языке и речи. Во Вторящем Я фиксируется стремление сознания и личности принадлежать Другому, подражать и уподобляться ему. Местоименным маркером Вторящего Я могут быть косвенные падежи личного местоимения первого лица «я». Местоимения «меня», «мне», «мной», «обо мне» выражают отношения принадлежности и выражают нетождественность лица себе. Через эти местоиме-

”

*Основой самодеструкции
может быть дуальность
ее интегративного
качества: локальность
и обобщенность.*

“

ния субмодальность Вторящего Я выражается в языке и речи. Воплощенное Я указывает на Другого, на обладание им. Местоименным маркером Воплощенного Я могут быть личные местоименные прилагательные – притяжательные местоимения «мой», «моя», «мое». Эти местоимения выражают не собственное лицо, как личные местоимения «я» и «меня», «мне», «мной», «обо мне», а выражают другое лицо. Превращенное Я обозначает самоотстранение, переход в Другого, принятие его таким, каким он есть безотносительно к себе. Местоименными маркерами Превращенного Я (или наиболее близкими ему) могут быть личные местоимения в третьем («он», «она», «оно», «они») лицах. Они указывают на кого-то в роли объекта высказывания и помещаются в контекст позитивной модальности: принятие, терпимость, а не безразличие или враждебность.

Субмодальности Я и домены самодеструкции

Выше выдвигалась идея о гетерогенной природе самодеструкции. Эта идея основывалась на том, что существует некоторое множество частных факторов самодеструкции и выделяются разрозненные теоретические представления о них. Вместе с тем предполагалось, что локальные факторы самодеструкции имеют общий корень и для его выявления необходима соответствующая концепция, которая позволила бы свести частные факторы самодеструкции к единой основе. В связи с этим была предпринята попытка наметить перспективу изучения самодеструкции с позиций интегративного подхода.

Модель полимодального Я преодолевает в определенной степени разрозненные представления о самодеструкции и подводит под них общие основания. В свете полимодального Я понятие самодеструкции можно уточнить. Речь может идти о деформациях полимодального Я как в целом, так и по линиям его субмодальностей. Деформации происходят из полимодального Я, но предстают как его антиподы.

Если полимодальное Я может подвергаться деформациям и из него «вырастает» самодеструкция, не исключено, что ее строение имеет домены, подобные субмодальностям полимодального Я.

Формально-логически это значит, во-первых, что деформации субмодальностей Я приводят к самодеструкции, разнородной и разной по линиям ее доменов. Во-вторых, деформации полимодального Я могут возникать через одни субмодальности и не возникать через другие. Наиболее полным будет случай деформации всех четырех субмодальностей Я. В-третьих, домены самодеструкции могут соотноситься с несколькими уже известными частными факторами самодеструкции. Родство одних факторов самодеструкции с другими будет определяться их принадлежностью одному домену, а их различия – принадлежностью разным доменам. Самодеструкция дифференцирует ее факторы по новому, доменному основанию. Специальной является задача поиска критериев для содержательных переходов от субмодальностей полимодального Я к доменам самодеструкции. По сути, это задача на операционализацию доменов самодеструкции. Наиболее внятное, экономное и простое решение состоит в том, чтобы обозначить домены самодеструкции как негативно-деструктивную альтернативу позитивно-конструктивным особенностям субмодальностей полимодального Я, включая их сравнения по критерию домены самодеструкции – субмодальности полимодального Я.

Подобно субмодальностям полимодального Я, выделим в самодеструкции здоровой личности четыре домена: недовольство собой, властность, нетерпимость, обособление. Дадим им краткую характеристику (Дорфман, Злоказов, 2017а, 2017б).

Негативно-деструктивной особенностью домена недовольства собой служат, судя по литературе, пониженное самоуважение, желание принести себе вред и ущерб, неприятие себя (Baumeister & Scher, 1988), негативное мнение о себе (Lundh et al., 2007; Renaud & McConnell, 2007). К ним можно отнести также заслуженное самонаказание (Callan et al., 2014), ментальное поражение, утрату самоидентичности (Ehlers et al., 1998, 2000), бессилие (Frederick, 1986; Herman, 1992), склонность личности испытывать неприязнь и быть придирчивой к себе, бояться успеха и счастья (Hyler & Rieder, 1987).

Негативно-деструктивной особенностью домена властности, судя по литературе, выступают стремление к превосходству, вмешательство, давление, оскорбление (Muller et al., 2000; Taussig & Litrownik, 1997), негативное лидерство (Krasikova et al., 2013; Reed & Bullis, 2009; Thoroughgood et al., 2012), тирания (Ashforth, 1994), деструктивные фантазии, в том числе имеющие креативный характер (Knauss, 1999; Minocha et al., 2014).

Негативно-деструктивной особенностью домена нетерпимости служат, судя по литературе, категоричность, повышенная критичность, тщеславие, нарциссизм (Baumeister, 1997; Miller et al., 2009; Vazire & Funder, 2006).

Негативно-деструктивной особенностью домена обособления, судя по литературе, служат избегание социальных контактов и замыкание на себе, изоляционизм. Личность не интересуется людьми или отвергает тех, кто относится к ней благожелательно (Schill, 1990), выпадает из социальных связей и тяготеет к социальной изоляции (Twenge et al., 2002).

В итоге появляются концептуальные основания в пользу метаиндивидуальной модели самодеструкции личности. Данная модель конкретизирует представления о гетерогенности самодеструкции в терминах ее доменного строения, в значительной степени преодолевает разрозненные представления о ней и объединяет ее.

Заключение

Под самодеструкцией личности понимаются склонности к мыслям и действиям, которые наносят ей вред. Они осознанно или бессознательно направлены на себя и приводят в той или иной степени к саморазрушению. В настоящей работе ставилась проблема развития интегративных представлений о самодеструкции в дополнение к локальным представлениям о ней. Под локальными подразумеваются исследования самодеструкции,

которые носят частный характер, разрознены и разобщены, обращаются к отдельным явлениям, факторам и источникам самодеструкции. Полагается, что поскольку у самодеструкции некоторое множество источников, она является разнородной, а это может означать гетерогенность происхождения самодеструкции и ее «фасеточность».

Новый шаг в исследованиях самодеструкции состоит в том, чтобы не только локализовать ее особенности, учитывать не только отдельные факторы, но и поставить вопрос об их совокупности в плане интеграции. Вместе с тем идея интеграции самодеструкции оформлена концептуально недостаточно. Также открытым остается вопрос о многофакторных инструментах измерения. Чаще всего применяемые опросники почти не учитывают множественность факторов, обуславливающих самодеструкцию. Одной из причин этого является отсутствие концепций самодеструкции, принимающих во внимание множество разнородных факторов, с одной стороны, и наличие у них общей основы, с другой.

Намечены индуктивный и дедуктивный пути интеграции самодеструкции. При индуктивном подходе («снизу») выделяется некоторое множество факторов самодеструкции и ставится вопрос об их общей основе. При дедуктивном подходе («сверху»), наоборот, в первую очередь постулируется некое общее понятие, из которого затем выводится множество локальных факторов самодеструкции. Подходы «сверху» и «снизу» берутся как дополнительные. Концептуальная модель полимодального Я использовалась как подход «сверху». Ставился вопрос о деформациях полимодального Я и его субмодальностях. Было показано, что деформации происходят из полимодального Я, но предстают как его антиподы. Из него «вырастает» самодеструкция, а она имеет доменное строение, подобно субмодальностям полимодального Я. В самодеструкции здоровой личности были выделены четыре домена: недовольство собой, властность, нетерпимость, обособление. Так появляются концептуальные основания в пользу метаиндивидуальной модели самодеструкции личности. Данная модель конкретизирует представления о гетерогенности самодеструкции в терминах ее доменного строения, в значительной степени преодолевает разрозненные представления о ней и объединяет ее.

(Продолжение статьи будет опубликовано в следующем номере журнала).

Список литературы

- Антонова, Ю. А., Веснина, Л. Е., Ворошилова, М. Б., Злоказов, К. В., Тагильцева, Ю. Р., Карапетян, А. А. (2014). *Экстремистский текст и деструктивная личность*. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет.
- Вяткин, Б. А., Дорфман, Л. Я. (2018). *Системная интеграция индивидуальности человека*. Москва: Институт психологии РАН.

- Дорфман, Л. Я. (2004). Я-концепция: дифференциация и интеграция. В *Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность* (стр. 96-123). Москва: Смысл.
- Дорфман, Л. Я. (2016). Каузальный плюрализм и холизм в концепции метаиндивидуального мира. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 13(1), 115–153.
- Дорфман, Л. Я., Злоказов, К. В. (2016а). Поражение и деструкция и их исследование в зарубежной психологии. Сообщение 1. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология»*, 9(1), 5–16.
- Дорфман, Л. Я., Злоказов, К. В. (2016б). Поражение и деструкция и их исследование в зарубежной психологии. Сообщение 2. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология»*, 9(2), 5–13.
- Дорфман, Л. Я., Злоказов, К. В. (2017а). Метаиндивидуальная модель деструктивности. Сообщение 1. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 14(1), 105–122. <https://doi.org/10.17323/1813-8918.2017.1.105.122>
- Дорфман, Л. Я., Злоказов К. В. (2017б). Метаиндивидуальная модель деструктивности. Сообщение 2. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 14(3), 501–518. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-3-501-518>
- Дорфман, Л. Я., Калугин, А. Ю. (2021). *Индивидуально-интеллектуальные интеграции человека*. Москва: Институт психологии РАН.
- Зейгарник, Б. В., Холмогорова, А. Б., Мазур, Е. С. (1989). Саморегуляция поведения в норме и патологии. *Психологический журнал*, 10(2), 122–131.
- Злоказов, К. В. (2012). Психологический анализ деструктивной личности. В *Антропология деструктивности: коллективная монография* (стр. 163-169). Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России.
- Калиниченко, А. В., Собольников, В. В., Волков, Г. В. (2014). Наркозависимость как форма проявления деструктивной личности. *Медицина и образование в Сибири* (сетевое издание), 2. URL: ngmu.ru/cozomos/article/abautho (дата обращения: 26.10.2015)
- Кант, И. (2021) (пер.). Критика чистого разума. Москва: АСТ.
- Короленко, Ц. П., Донских, Т. А. (1990). *Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире*. Новосибирск: Наука.
- Леонтьев, А. Н. (2005). *Деятельность. Сознание. Личность* (2-е изд.) Москва: Смысл: Академия.
- Менделевич, В. Д. (2005). *Психология девиантного поведения*. Санкт-Петербург: Речь.
- Мерлин, В. С. (1986). *Очерк интегрального исследования индивидуальности*. Москва: Педагогика.
- Митина, Л. М. (2004). *Психология труда и профессионального развития учителя*. Москва: Издательский центр «Академия».
- Петровский, В. А. (2013). *«Я» в персонологической перспективе*. Москва: Издательский дом Национального исследовательского университета Высшей школы экономики.
- Реан, А. А. (2015). Семья, социальные установки и асоциальное поведение детей и подростков. *Russian Psychological Journal*, 12(1), 29-40.
- Рубинштейн, С. Л. (2003). *Бытие и сознание. Человек и мир*. Санкт-Петербург: Питер.
- Суслонов, П. В., Злоказов, К. В. (2013). Методика проведения социально-психологических исследований по проблемам экстремизма и деструктивности в молодежной среде. *Российский научный журнал*, 5(36). 219–224.
- Сыманюк, Э. Э. (2005). *Психологические основания профессиональных деструкций педагога*: дис. ... д-ра психол. наук. Екатеринбург.
- Ушаков, Д. В. (2018). Анатомия психологического знания. В А. Л. Журавлев, А. В. Юревич (ред.), *Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития* (стр. 71–114). Москва: Институт психологии РАН.
- Ушаков, Д. В. (2020). На пути к целостному видению человека. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 17(4), 617–629. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-4-617-629>
- Ashforth, B. E. (1994). Petty tyranny in organizations. *Human Relations*, 47, 755–778. <https://doi.org/10.1177/001872679404700701>
- Baumeister, R. F. (1990). Suicide as escape from self. *Psychological Review*, 97(1), 90–113. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.97.1.90>
- Baumeister, R. F. (1997). Esteem threat, self-regulatory breakdown, and emotional distress as factors in self-defeating behavior. *Review of General Psychology*, 1(2), 145–174. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.1.2.145>
- Baumeister, R. F., & Scher, S. J. (1988). Self-defeating behavior patterns among normal individuals: Review and analysis of common self-destructive tendencies. *Psychological Bulletin*, 104(1), 3–22. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.104.1.3>
- Briones, E., Tabernero, C., & Arenas, A. (2007). Effects of disposition and self-regulation on self-defeating behavior. *The Journal of Social Psychology*, 147(6), 657–680.
- Callan, M. J., Kay, A. C., & Dawtry, R. J. (2014). Making sense of misfortune: Deservingness, self-esteem, and patterns of self-defeat. *Journal of Personality and Social Psychology*, 107(1), 142–162. <https://doi.org/10.1037/a0036640>
- American Psychiatric Association, (2013). *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*, 5th edition: DSM-5.

- Dorfman, L. Ya., Barashkova, E. A. (2018). Meta-individual account of personality studies. *Journal of Psychology and Psychotherapy Research*, 5, 40–45. <https://doi.org/10.12974/2313-1047.2018.05.4>
- Ehlers, A., Clark, D. M., Dunmore, E., Jaycox, L., Meadows, E., & Foa, E. B. (1998). Predicting the response to exposure treatment in PTSD: The role of mental defeat and alienation. *Journal of Traumatic Stress*, 11 (3), 457–471. <https://doi.org/10.1023/A:1024448511504>
- Ehlers, A., Maercker, A., & Boos, A. (2000). Post-traumatic stress disorder following political imprisonment: The role of mental defeat, alienation, and perceived permanent change. *Journal of Abnormal Psychology*, 109 (1), 45–55. <https://doi.org/10.1037/0021-843X.109.1.45>
- Frederick, C. J. (1987). Psychic trauma in victims of crime and terrorism. In G.R. VandenBos, B.K. Bryant (Eds.), *Cataclysms, crises, and catastrophes: Psychology in action* (pp. 55–108). Washington, DC: American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/11106-002>
- Freud, S. (1965). *New introductory lectures on psychoanalysis*. New York: Norton. (Original work published 1933). ISBN-13: 9780393010640
- Hawton, K., Rodham K., Evans E., & Weatherall, R. (2002). Deliberate self-harm in adolescents: A self-report survey in schools in England. *BMJ: British Medical Journal*, 325, 1207–1211. <https://doi.org/https://doi.org/10.1136/bmj.325.7374.1207>
- Herman, J. L. (1992). Complex PTSD: A syndrome in survivors of prolonged and repeated trauma. *Journal of Traumatic Stress*, 5 (3), 377–391. <https://doi.org/10.1002/jts.2490050305>
- Hyer, S. E., & Rieder, R. O. (1987). *Personality Disorder Questionnaire – Revised*. New York: New York State Psychiatric Institute.
- Knauss, W. (1999). The creativity of destructive fantasies. *Group Analysis*, 32 (3), 397–411. <https://doi.org/10.1177/05333169922076914>
- Lundh, L., Karim, J., & Quilish, E. (2007). Deliberate self-harm in 15-year-old adolescents: A pilot study with a modified version of the deliberate self-harm inventory. *Scandinavian Journal of Psychology*, 48 (1), 33–41. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9450.2006.00567.x>
- Kelly, T., Richardson, G., Hunter, R., & Knapp, M. (2002). Attention and executive function deficits in adolescent sex offenders. *Child Neuropsychology*, 8 (2), 138–143. <https://doi.org/10.1076/chin.8.2.138.8722>
- Krasikova, D. V., Green, S. G., & LeBreton, J. M. (2013). Destructive leadership: A theoretical review, integration, and future research agenda. *Journal of Management*, 39 (5), 1308–1338. <https://doi.org/10.1177/0149206312471388>
- Martindale, C. (1980). Subselves: the internal representation of situational and personal dispositions. In L. Wheeler (ed.), *Review of personality and social psychology* (Vol. 1., pp. 193–218). Beverly Hills: Sage Publications.
- Miller, J. D., Campbell, W. K., Young, D. L., Lakey, C. E., Reidy, D. E., Zeichner, A., & Goodie, A. S. (2009). Examining the relations among narcissism, impulsivity, and self-defeating behaviors. *Journal of Personality*, 77 (3), 761–794. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2009.00564.x>
- Minocha, S., Stonehouse, G., & Reynolds, M. (2014). Bollywood on creativity: An interview with the internationally acclaimed film director Shekhar Kapur. *Journal of Management Inquiry*, 23 (2), 137–147. <https://doi.org/10.1177/1056492613499825>
- Muller, R. T., Sicoli, L. A., & Lemieux, K. E. (2000). Relationship between attachment style and posttraumatic stress symptomatology among adults who report the experience of childhood abuse. *Journal of Traumatic Stress*, 13 (2), 321–332. <https://doi.org/10.1023/A:1007752719557>
- Myers, D. G. (2009). *Social psychology* (10th Edition). New York: McGraw-Hill Higher Education.
- Renaud, J. M., & McConnell, A. R. (2007). Wanting to be better but thinking you can't: Implicit theories of personality moderate the impact of self-discrepancies on self-esteem. *Self and Identity*, 6 (1), 41–50. <https://doi.org/10.1080/15298860600764597>
- Reed, G. E., & Bullis, R. C. (2009). The impact of destructive leadership on senior military officers and civilian employees. *Armed Forces & Society*, 36 (1), 5–18. <https://doi.org/10.1177/0095327X09334994>
- Schill, T. (1990). A measure of self-defeating personality. *Psychological Reports*, 66 (3), 1343–1346. <https://doi.org/10.2466/pr0.1990.66.3c.1343>
- Taussig, H. N., & Litrownik, A. J. (1997). Self- and Other-directed destructive behaviors: Assessment and relationship to type of abuse. *Child maltreatment*, 2 (2), 172–182. <https://doi.org/10.1177/1077559597002002010>
- Thoroughgood, C. N., Tate, B. W., Sawyer, K. B., & Jacobs, R. (2012). Bad to the bone: Empirically defining and measuring destructive leader behavior. *Journal of Leadership & Organizational Studies*, 19 (2), 230–255. <https://doi.org/10.1177/1548051811436327>
- Twenge, J. M., Catanese, K. R., & Baumeister, R. F. (2002). Social exclusion causes self-defeating behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 83 (3), 606–615. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.83.3.606>

- Vazire, S., & Funder, D. C. (2006). Impulsivity and the self-defeating behavior of narcissists. *Personality and Social Psychology Review*, 10 (2), 154–165. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1002_4
- Wei, M., & Ku, T.-Y. (2007). Testing a conceptual model of working through self-defeating patterns. *Journal of Counseling Psychology*, 54 (3), 295–305. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.54.3.295>

References

- Antonova, Yu. A., Vesnina, L. E., Voroshilova, M. B., Zlokazov, K. V., Tagil'ceva, Yu. R., Karapetyan, A. A. (2014). *Ekstremistskij tekst i destruktivnaya lichnost'*. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.
- Vyatkin, B. A., Dorfman, L. Ya. (2018). *Sistemnaya integraciya individual'nosti cheloveka*. Moscow: Institut psihologii RAN.
- Dorfman, L. Ya. (2004). Ya-koncepciya: differenciaciya i integraciya. V *Integral'naya individual'nost', Ya-koncepciya, lichnost'* (str. 96-123). Moscow: Smysl.
- Dorfman, L. Ya. (2016). Kauzal'nyj plyuralizm i holizm v koncepcii metaindividual'nogo mira. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 13(1), 115–153.
- Dorfman, L. Ya., Zlokazov, K. V. (2016a). Porazhenie i destrukciya i ih issledovanie v zarubezhnoj psihologii. Soobshchenie 1. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Psihologiya»*, 9(1), 5–16.
- Dorfman, L. Ya., Zlokazov, K. V. (2016b). Porazhenie i destrukciya i ih issledovanie v zarubezhnoj psihologii. Soobshchenie 2. *Vestnik Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Psihologiya»*, 9(2), 5–13.
- Dorfman, L. Ya., Zlokazov, K. V. (2017a). Metaindividual'naya model' destruktivnosti. Soobshchenie 1. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 14(1), 105–122. <https://doi.org/10.17323/1813-8918.2017.1.105.122>
- Dorfman, L. Ya., Zlokazov, K. V. (2017b). Metaindividual'naya model' destruktivnosti. Soobshchenie 2. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 14(3), 501–518. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2017-3-501-518>
- Dorfman, L. Ya., Kalugin, A. Yu. (2021). *Individual'no-intellektual'nye integracii cheloveka*. Moscow: Institut psihologii RAN.
- Zeigarnik, B. V., Holmogorova, A. B., Mazur, E. S. (1989). Samoregulyaciya povedeniya v norme i patologii. *Psihologicheskij zhurnal*, 10(2), 122–131.
- Zlokazov, K. V. (2012). Psihologicheskij analiz destruktivnoj lichnosti. V *Antropologiya destruktivnosti: kollektivnaya monografiya* (str. 163-169). Ekaterinburg: Ural'skij juridicheskij institut MVD Rossii.
- Kalinichenko, A. V., Sobol'nikov, V. V., Volkov, G. V. (2014). Narkozavisimost' kak forma proyavleniya destruktivnoj lichnosti. *Medicina i obrazovanie v Sibiri* (setevoe izdanie), 2. URL: ngmu.ru/cozo/mos/article/abautho (data obrashcheniya: 26.10.2015)
- Kant, I. (2021) (per.). *Kritika chistogo razuma*. Moscow: AST.
- Korolenko, C. P., Donskih, T. A. (1990). *Sem' putej k katastrofe: Destruktivnoe povedenie v sovremennom mire*. Novosibirsk: Nauka.
- Leont'ev, A. N. (2005). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* (2-e izd.) Moscow: Smysl: Akademiya.
- Mendelevich, V. D. (2005). *Psihologiya deviantnogo povedeniya*. Saint Petersburg: Rech'.
- Merlin, V. S. (1986). *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti*. Moscow: Pedagogika.
- Mitina, L. M. (2004). *Psihologiya truda i professional'nogo razvitiya uchitelya*. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademiya».
- Petrovskij, V. A. (2013). «Ya» v personologicheskoy perspektive. Moscow: Izdatel'skij dom Nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta Vysshej shkoly ekonomiki.
- Rean, A. A. (2015). Sem'ya, social'nye ustanovki i asocial'noe povedenie detej i podrostkov. *Russian Psychological Journal*, 12(1), 29-40.
- Rubinshtejn, S. L. (2003). *Bytie i soznanie. Chelovek i mir*. Saint Petersburg: Piter.
- Suslonov, P. V., Zlokazov, K. V. (2013). Metodika provedeniya social'no-psihologicheskikh issledovanij po problemam ekstremizma i destruktivnosti v molodezhnoj srede. *Rossijskij nauchnyj zhurnal*, 5(36), 219–224.
- Symanyuk, E. E. (2005). *Psihologicheskie osnovaniya professional'nyh destrukcij pedagoga*: dis. ... d-ra psihol. nauk. Ekaterinburg.
- Ushakov, D. V. (2018). Anatomiya psihologicheskogo znaniya. V A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich (red.), *Psihologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* (str. 71–114). Moscow: Institut psihologii RAN.
- Ushakov, D. V. (2020). Na puti k celostnomu videniyu cheloveka. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 17(4), 617–629. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-4-617-629>
- Ashforth, B. E. (1994). Petty tyranny in organizations. *Human Relations*, 47, 755–778. <https://doi.org/10.1177/001872679404700701>
- Baumeister, R. F. (1990). Suicide as escape from self. *Psychological Review*, 97(1), 90–113. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.97.1.90>
- Baumeister, R. F. (1997). Esteem threat, self-regulatory breakdown, and emotional distress as factors in self-defeating behavior. *Review of General Psychology*, 1(2), 145–174. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.1.2.145>

- Baumeister, R. F., & Scher, S. J. (1988). Self-defeating behavior patterns among normal individuals: Review and analysis of common self-destructive tendencies. *Psychological Bulletin*, 104(1), 3–22. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.104.1.3>
- Briones, E., Taberbero, C., & Arenas, A. (2007). Effects of disposition and self-regulation on self-defeating behavior. *The Journal of Social Psychology*, 147(6), 657–680.
- Callan, M. J., Kay, A. C., & Dawtry, R. J. (2014). Making sense of misfortune: Deservingness, self-esteem, and patterns of self-defeat. *Journal of Personality and Social Psychology*, 107(1), 142–162. <https://doi.org/10.1037/a0036640>
- American Psychiatric Association, (2013). *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*, 5th edition: DSM-5.
- Dorfman, L. Ya., Barashkova, E. A. (2018). Meta-individual account of personality studies. *Journal of Psychology and Psychotherapy Research*, 5, 40–45. <https://doi.org/10.12974/2313-1047.2018.05.4>
- Ehlers, A., Clark, D. M., Dunmore, E., Jaycox, L., Meadows, E., & Foa, E. B. (1998). Predicting the response to exposure treatment in PTSD: The role of mental defeat and alienation. *Journal of Traumatic Stress*, 11 (3), 457–471. <https://doi.org/10.1023/A:1024448511504>
- Ehlers, A., Maercker, A., & Boos, A. (2000). Post-traumatic stress disorder following political imprisonment: The role of mental defeat, alienation, and perceived permanent change. *Journal of Abnormal Psychology*, 109 (1), 45–55. <https://doi.org/10.1037/0021-843X.109.1.45>
- Frederick, C. J. (1987). Psychic trauma in victims of crime and terrorism. In G.R. VandenBos, B.K. Bryant (Eds.), *Cataclysms, crises, and catastrophes: Psychology in action* (pp. 55–108). Washington, DC: American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/11106-002>
- Freud, S. (1965). *New introductory lectures on psychoanalysis*. New York: Norton. (Original work published 1933). ISBN-13: 9780393010640
- Hawton, K., Rodham K., Evans E., & Weatherall, R. (2002). Deliberate self-harm in adolescents: A self-report survey in schools in England. *BMJ: British Medical Journal*, 325, 1207–1211. <https://doi.org/10.1136/bmj.325.7374.1207>
- Herman, J. L. (1992). Complex PTSD: A syndrome in survivors of prolonged and repeated trauma. *Journal of Traumatic Stress*, 5 (3), 377–391. <https://doi.org/10.1002/jts.2490050305>
- Hyer, S. E., & Rieder, R. O. (1987). *Personality Disorder Questionnaire – Revised*. New York: New York State Psychiatric Institute.
- Knauss, W. (1999). The creativity of destructive fantasies. *Group Analysis*, 32 (3), 397–411. <https://doi.org/10.1177/053333169922076914>
- Lundh, L., Karim, J., & Quilish, E. (2007). Deliberate self-harm in 15-year-old adolescents: A pilot study with a modified version of the deliberate self-harm inventory. *Scandinavian Journal of Psychology*, 48 (1), 33–41. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9450.2006.00567.x>
- Kelly, T., Richardson, G., Hunter, R., & Knapp, M. (2002). Attention and executive function deficits in adolescent sex offenders. *Child Neuropsychology*, 8 (2), 138–143. <https://doi.org/10.1076/chin.8.2.138.8722>
- Krasikova, D. V., Green, S. G., & LeBreton, J. M. (2013). Destructive leadership: A theoretical review, integration, and future research agenda. *Journal of Management*, 39 (5), 1308–1338. <https://doi.org/10.1177/0149206312471388>
- Martindale, C. (1980). Subselves: the internal representation of situational and personal dispositions. In L. Wheeler (ed.), *Review of personality and social psychology* (Vol. 1., pp. 193–218). Beverly Hills: Sage Publications.
- Miller, J. D., Campbell, W. K., Young, D. L., Lakey, C. E., Reidy, D. E., Zeichner, A., & Goodie, A. S. (2009). Examining the relations among narcissism, impulsivity, and self-defeating behaviors. *Journal of Personality*, 77 (3), 761–794. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2009.00564.x>
- Minocha, S., Stonehouse, G., & Reynolds, M. (2014). Bollywood on creativity: An interview with the internationally acclaimed film director Shekhar Kapur. *Journal of Management Inquiry*, 23 (2), 137–147. <https://doi.org/10.1177/1056492613499825>
- Muller, R. T., Sicoli, L. A., & Lemieux, K. E. (2000). Relationship between attachment style and posttraumatic stress symptomatology among adults who report the experience of childhood abuse. *Journal of Traumatic Stress*, 13 (2), 321–332. <https://doi.org/10.1023/A:1007752719557>
- Myers, D. G. (2009). *Social psychology* (10th Edition). New York: McGraw-Hill Higher Education.
- Renaud, J. M., & McConnell, A. R. (2007). Wanting to be better but thinking you can't: Implicit theories of personality moderate the impact of self-discrepancies on self-esteem. *Self and Identity*, 6 (1), 41–50. <https://doi.org/10.1080/15298860600764597>
- Reed, G. E., & Bullis, R. C. (2009). The impact of destructive leadership on senior military officers and civilian employees. *Armed Forces & Society*, 36 (1), 5–18. <https://doi.org/10.1177/0095327X09334994>
- Schill, T. (1990). A measure of self-defeating personality. *Psychological Reports*, 66 (3), 1343–1346. <https://doi.org/10.2466/pr0.1990.66.3c.1343>
- Taussig, H. N., & Litrownik, A. J. (1997). Self- and Other-directed destructive behaviors: Assessment and relationship to

- type of abuse. *Child maltreatment*, 2 (2), 172–182. <https://doi.org/10.1177/1077559597002002010>
- Thoroughgood, C. N., Tate, B. W., Sawyer, K. B., & Jacobs, R. (2012). Bad to the bone: Empirically defining and measuring destructive leader behavior. *Journal of Leadership & Organizational Studies*, 19 (2), 230–255. <https://doi.org/10.1177/1548051811436327>
- Twenge, J. M., Catanese, K. R., & Baumeister, R. F. (2002). Social exclusion causes self-defeating behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 83 (3), 606–615. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.83.3.606>
- Vazire, S., & Funder, D. C. (2006). Impulsivity and the self-defeating behavior of narcissists. *Personality and Social Psychology Review*, 10 (2), 154–165. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1002_4
- Wei, M., & Ku, T.-Y. (2007). Testing a conceptual model of working through self-defeating patterns. *Journal of Counseling Psychology*, 54 (3), 295–305. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.54.3.295>

Информация об авторах:

Леонид Яковлевич Дорфман – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин.

Евгений Александрович Курочкин – кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры военной педагогики и психологии.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 13.05.2022

Одобрена после рецензирования 20.06.2022

Опубликована 29.07.2022

About the authors:

Leonid Ya. Dorfman – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Humanitarian Disciplines.

Evgenij A. Kurochkin – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Military Pedagogy and Psychology.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted May 13, 2022

Approved after reviewing June 20, 2022

Accepted July 29, 2022